

XI ✓

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования

«Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

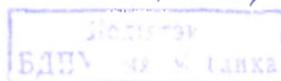
Материалы Международной научной конференции

г. Минск, 20–21 марта 2008 г.

В двух частях

Часть 2

1671164

Минск 2008

области «познавательного поля». Теория текстовой пунктуации – необходимая инструмент для правильной интерпретации текста, т.е. составляющая герменевтики как науки о понимании текста. Такая работа предполагает творческое участие читателя, учащегося, исследователя, задумывающегося над актуальным содержанием знаковой языковую рефлексию, развивающую способность познания и осознания множественных, многозначных смыслов. Для того чтобы осуществить интерпретацию, необходимо вооружиться знанием большим, нежели знания о правилах постановки знаков препинания. Необходимо знание о возможности, способности и творческом использовании пунктуации в целях организации внутренних связей текста.

Идеи *связности, соединения, непрерывности* – основа речемыслительной деятельности. И сила языкового сознания, разума, здравого смысла настолько велика, что, вопреки дефинициям, правилам, методам обучения, пишущий (и читающий) интерпретирует пунктуацию именно так, как диктует ее предназначение – *соединение смыслов*.

Установить соответствие между дискретностью и континуальностью, произвольностью и непроизвольностью, интенциональностью и непреднамеренностью, определенностью и неопределенностью, устойчивостью и переменчивостью, однозначностью и неоднозначностью, линейностью и нелинейностью и т.д. в пространственно-временной целостности, репрезентируемой текстом, – задача новых исследований, базирующихся на герменевтическом, синергетическом, интегративном подходе к языковым явлениям.

Современное описание и интерпретация художественного текста предполагает выявление тех общих закономерностей, которые выводят на поверхность, эксплицируют своеобразие (общезыковое, функционально-стилистическое, индивидуально-авторское) объединяющего и членящего языкового сознания. Именно поэтому лингвистические теории и концепции текста, кода, дискурса не могут быть полными без соответствующей теории текстовой пунктуации, где *пунктуация должна рассматриваться как иерархическая система единиц (пунктуационных позиций, пунктуационных фигур и пунктуационных сценариев), организующая текст путем объединения, членения, выделения и развертывания языковых элементов, воплощая тем самым представление автора о мире в виде детализированной языковой картины*.

Т.Е. Комаровская (Минск, Беларусь)

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФАКТОВ АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ В АМЕРИКАНСКОМ ФИЛОСОФСКОМ РОМАНЕ XX ВЕКА: «МАРТОВСКИЕ ИДЫ» Т. УАЙЛДЕРА

Античная история является неисчерпаемым источником для мировой литературы, которая, в поисках ответов на злободневные проблемы современности, постоянно обращается к ней. Торнтон Уайлдер, один из крупнейших американских писателей XX века, для решения круга проблем: властитель и народ, допустимый предел государственной власти, Поэт и диктатура, также обращается к истории Древнего Рима в романе «Мартовские Иды» (1948).

«Мартовские Иды» – философский роман, он условно привязан к древнему Риму, который для него – не более чем декорация для решения актуальной политическо-нравственной проблемы. Уайлдер сам предупреждает в предисловии к своему роману: «Воссоздание подлинной истории не было первостепенной задачей этого сочинения».

его можно назвать фантазией о некоторых событиях и персонажах последних дней Римской республики» [1, с. 103].

Документы, на которых построен роман, вымышлены, события, описанные в нем, перегруппированы, смешены во времени, так же, как и исторические персонажи, населяющие его. Об условности изображения прошлого говорит и подчеркнутое совмещение языка составляющих его документов.

В литературоведении преобладает взгляд на этот роман как на роман экзистенциалистский. Наиболее последовательно эта точка зрения выражена в работе Т.Н. Денисовой «Экзистенциализм и современный американский роман», в которой все творчество Уайлдера рассматривается как выражение философии экзистенциализма. Однако подобный взгляд на «Мартовские Иды» представляется нам недостаточно аргументированным. Мы не считаем этот роман экзистенциалистским, так как в нем, в образе героя нет последовательного воплощения положений экзистенциалистской философии, в отличие от романа Стайрона «Признания Ната Тернера», например. Этого не может не признать и сама Денисова, завершающая свой обзор романа констатацией того, что, «несмотря на заданную и осязаемую близость к экзистенциализму, «Мартовские Иды» значительно перерастают рамки экзистенциалистской философии» [2, с. 206].

Общеизвестно, что Уайлдер увлекался философией экзистенциализма в период написания романа, но экзистенциализм в нем носит характер вспомогательный – не роман и образ героя подчинены воплощению идей экзистенциалистской философии, но формулировки экзистенциализма призваны четко выразить дилемму, которая является центральной в романе: полезна ли для общества безграничная власть, даже если человек, ее осуществляющий, исполнен самых благих намерений? Для решения проблемы всевластия, осмыслению которой подчинен роман, автор выбирает и опирается на те положения экзистенциалистской философии, которые связаны с трактовкой понятия свободы и ответственности.

Цезарь Уайлдера (не претендующий на сходство с реальным, историческим Цезарем) изображен как человек и политик, в полной мере принявший на себя ответственность за свою Родину (Рим) и свой народ, посвятивший жизнь их укреплению и благополучию, и вдруг, в конце жизни, обнаруживший, что не понял и ненавидим за то, что якобы лишил людей свободы. Но для Цезаря «свобода существует только как ответственность за то, что делается» [1, с. 283], а римляне боятся ответственности и, следовательно, боятся свободы, а потому ее недостойны. Для Цезаря «жизнь не имеет другого смысла, кроме того, который мы ей придаем» [1, с. 279], а римляне, в том числе и римская аристократия, заражены страхом перед жизнью, а потому цепляются за суеверия и предрассудки. Конфликт Цезаря с римлянами – это не конфликт одинокого экзистенциалистского героя с враждебным окружением, но конфликт государственного деятеля, пробующего насаждать добро с помощью силы, с народом, деятеля, слишком поздно убедившегося в несостоятельности и порочности избранного пути. Трагедия Цезаря, по Уайлдеру, и состоит в том, что он слишком поздно приходит к осознанию своей губительной роли в судьбе любимой Родины и ее народа, и тогда в отчаянии восклицает: «Рим в том виде, в каком я его создал, ... не слишком привольное место для человека ... если бы я не был Цезарем, я стал бы убийцей Цезаря» [1, с. 267]. Потому-то Цезарь и не предпринимает меры для ликвидации заговора, направленного против него. Жизнь для него потеряла всякий смысл.

Уайлдер подчеркивает универсальный характер вывода, сделанного им в романе о природе и последствиях деспотической власти, о безотносительности этих последствий

с личностью, осуществляющей подобный политический курс, приводя рассуждения актрисы Кифериды о том, что Цезарь – прирожденный учитель, учительство – это страсть, из молодых людей он пытается лепить великих Граждан, великих римлян. Виновна в том, что он стал деспотом, его неограниченная власть: «Цезарь – тиран... Но вовсе не в том смысле, как другие тираны, которые скупаются дать свободу другим, просто он, будучи недостижимо свободен сам, не представляет себе, как растет и проявляется свобода в других...» [1, с. 250].

По мысли Уайлдера, диктатура всегда губительна как для народа, на который она направлена, так и для ее носителя. Диктатура порочна по самой своей сути и всегда враждебна Искусству. В этом смысле противостояния Цезарь – Катулл в романе «Просвещенный диктатор» ищет дружбы Поэта, искренне расположен к нему, прощает ему все враждебные выпады против себя, а Катулл непреклонен – не потому, что ненавидит Цезаря как человека, он ненавидит в нем диктатора, с которым борется доступным ему оружием – поэзией.

«Мартовские Иды» Уайлдера – опосредованный отклик на события недавнего прошлого, на немецкую и итальянскую диктатуру. Литературоведы привычно проводят аналогию между Цезарем и Муссолини, забывая при этом указать на различие этих двух исторических персонажей. Между тем, аналогии здесь нет, есть скорее момент противопоставления. На историческом материале Уайлдер проводит политический философский эксперимент, пытаясь выяснить, может ли диктатура быть благом для страны и народа, и в ходе своего исследования получает отрицательный ответ на этот вопрос.

Литература

1. Уайлдер Т. Мартовские Иды. – М.: «Радуга», 1983.
2. Денисова Т.Н. Экзистенциализм и современный американский роман. – Киев, 1985.

А.Ю. Крохмальник (Гомель, Беларусь)

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ОКУЛЕСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С ПРОСТРАНСТВЕННЫМ ЛИБО ВРЕМЕННЫМ КОМПОНЕНТОМ В РОМАНЕ М.А. ШОЛОХОВА «ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА»

«Самый надежный из неконтактных рецепторов пространства коммуникации и проксемики поведения – это глаза» [1], причем их проксемику можно рассматривать в нескольких аспектах: при взгляде на человека, на лицо человека, в глаза человеку и т.д. Объектом анализа в нашей работе явились окулесические единицы, охарактеризованные с точки зрения пространства и времени, в романе М.А. Шолохова «Поднятая целина», причем в пространственном аспекте нас интересовали лишь те окулесические речения, в которых пространственный компонент указывает на направленность взгляда не на партнера по общению, а куда-либо в сторону. В романе нами обнаружено 32 окулесических единицы, отвечающих избранному критерию анализа, из них 22 единиц с временным компонентом и 13 единиц с пространственным компонентом.

Окулесическим единицам, охарактеризованным в пространственном аспекте, свойственны следующие формы выражения: